

Щербакова Людмила. Он не умел смотреть сверху

ВНИЗ

Я познакомилась со Стасом Маркеловым, когда стала искать помощь непослушному депутату Владимиру Соколову из г. Коврова¹. Он прислал письмо на имя С.А. Ковалева. В письме рассказывал, что против него возбуждены два уголовных дела.

Ковров – это такой не имеющий своего лица городок во Владимирской области. Я приехала туда к родственникам, когда в суде слушалось дело этого депутата. Я пошла в суд. В результате просидела в суде неделю. Я сразу заметила, что адвокат у Соколова очень слабый. Оказывается, адвоката поначалу совсем не могли найти – городок небольшой, все боялись. Наконец пригласили адвокатом какую-то девушку, не слишком квалифицированную. Государственный обвинитель – молодой мужчина, говорил гладко. Судья обычно прерывала адвоката и обвиняемого, если он просил слово, но ни разу – сторону обвинения.

Суть дела была вот в чем: у депутата Владимира Соколова был конфликт с мэром города. Конфликт этот был переведен в два уголовных дела, и когда Соколова по первому делу задержали, собираясь доставить в милицию, милиционерам пришлось долго ждать машину, и они вдвоем его для удобства полтора часа держали, заломив ему руки назад. У него позвоночник не в порядке, артроз, боль сильная. И он от них ногами както пытался отбиться. В результате Соколову предъявили обвинение по ст. 318 УК – «сопротивление органам милиции». На суде присутствовали оба якобы пострадавших милиционера, совершенно здоровые. Когда в конце дня пришел судмедэксперт, который проводил экспертизу, и его спросили о том, как он ее делал, тот признался: «По бюллетеню». А бюллетени о временной нетрудоспособности милиционеры, оказывается, получили на том основании, что задерживаемый их царапнул ботинком.

1 Соколов Владимир Сергеевич (1959 г.р.) – бывший сотрудник прокуратуры, с 2002 г. депутат ковровского городского совета, вошел в конфликт с мэром. В 2004 г. арестован и осужден на 3 года, в 2005 г. освобожден, судимость снята. Позже назначен заместителем мэра г. Коврова.

На последнем заседании суда все были уверены, что его отпустят. Но дали три года колонии.

Надо было искать другого адвоката. По мнению юриста «Общественного вердикта» Павла Чикова, приговор Соколову был написан судьей так, что к нему трудно было придраться. Я поговорила с находившимся в Москве Евгением Захаровым. Женя Захаров посоветовал обратиться к Людмиле Михайловне Алексеевой в МХГ. Я не особенно рассчитывала на серьезное внимание к такому делу, так как оно не было связано с угрозой жизни или исчезновения, да и возможный срок не был большим. Но Людмила Михайловна сказала: обязательно надо заниматься этим случаем судебного произвола. Потом я позвонила Валентину Михайловичу Гефтеру, просила его найти адвоката – человека уже осудили, но есть надежда на помощь в кассационной инстанции. По рекомендации Валентина Гефтера я обратилась к Стасу. Так как в «Мемориале» он уже редко бывал, я попросила его специально прийти.

Когда мы встретились, я спросила, сможет ли он помочь. Я рассказала про дело Соколова, и он ответил: «Конечно, я не откажусь».

Мы общались около года: перезванивались, просто разговаривали, не обязательно о деле Соколова. Много говорили и о самом деле, – я все рассказывала, документы копировала и передавала ему. Он внимательно выслушал мой рассказ о случившемся с Соколовым. Я по телефону почувствовала, и потом, когда я с ним виделась, это ощущение подтвердилось: он никогда не смотрел на человека сверху вниз. И когда он приходил, я никогда не чувствовала, что он делает мне какое-то одолжение. Когда я звонила ковровской девушке-адвокату, то никак не могла ее застать, – она не хотела со мной разговаривать, она боялась и, как я поняла, считала, что, как получилось, так получилось. Я просила ее написать кассационную жалобу по первому делу, – ведь ее надо писать в определенные сроки. Кассация была проиграна.

С этим результатом Стас не согласился.

Он сделал решительный шаг: созвал пресс-конференцию в «Независимом пресс-центре» и, видимо, уговорил, – возможно, через брата, – телевизионщиков с канала ТВЦ послать туда съемочную группу. По ТВЦ прошла первая передача. Потом журналисты поехали брать интервью у самого Соколова, который сидел во Владимирской колонии и, разумеется, писал жалобы для своих сокамерников (он юрист по профессии). Администрация колонии, естественно, испугалась и, ссылаясь на срочно возникший карантин, отказалась предоставить возможность проинтервьюировать заключенного. Съемочная группа ТВЦ поехала в Ковров и там взяла интервью у всех, у кого могла: у журналистов, у депутатов, и у мэра. Поработали хорошо. И это, несомненно, сыграло роль в последующем освобождении человека. Журналисты ТВЦ подготовили по материалам этого дела передачу из серии, кажется, «Наша версия» (16 мая 2005 г.), – я ее посмотреть не смогла: руководство канала пустило ее в семь утра, наверное, чтобы никто не увидел. О положении муниципальных депутатов писал и сотрудник «Литературной газеты», уроженец Коврова.

Станислав пытался, насколько мог, помочь человеку, которого он знал только с моих слов. И благодаря усилиям Станислава в Коврове знали, – мэр знал! – что прошла пресс-конференция в Москве.

Кассационная жалоба второго дела подана во владимирский областной суд – опять безрезультатно. Соколов уже просидел половину срока, наверное, – и тут его выпустили.

После этого первое дело, по которому Соколова «доставляли», когда он «оказывал сопротивление» вообще замяли, как будто его и не было. Не просто так: сначала даже судья по первому делу был на стороне депутата, потом он заболел, дело отложили. Там в деле был свидетель, приятель Соколова, который работал в администрации, – он видел, как все происходило, как на него набросились, чтобы надеть на него наручники, приковать к батарее, и в таком виде показать по местному телевидению. Там были сплошные нарушения со стороны милиции, – и Стас писал обо всех этих нарушениях. В итоге стало ясно, что из этого дела ничего не выйдет.

Владимир Соколов вышел на свободу.

Стас произвел на меня впечатление тем, что всегда откликнулся. Не помню ни одного раза, когда я звонила ему на мобильный, чтобы он сказал мне: «Извините, я не смогу с Вами говорить больше, я не в Москве». Он ничего не рассказывал про Чечню, только после его смерти я узнала, что он был первым и последним, по-моему, из русских адвокатов, работавшим в Чечне. При встречах чаще с ним о делах вообще не разговаривали. Он вообще не говорил о своих делах. Порой мы просто разговаривали, когда он был в Москве, когда он мог поговорить... а ведь он почти всегда был занят! Но он разговаривал – такой он был, у него душа была, он был открыт для общения, хотя я была намного старше, в мамы ему годилась... Он занимался делами по произволу в Чечне, делом «Кадета», – что ему этот депутат ковровский? Но ему и этот депутат был интересен, и ему было нужно этим заниматься, и этому человеку он пытался помочь, хотя бы предать гласности.

Он ничего не рассказывал о своей собственной жизни. Я даже не знала, что он женат, хотя по телефону не раз слышала рядом с ним детский голос. Говорил Стас просто о том, что сейчас происходит, – но не о политике, а вообще о жизни.

Вспоминается одна сцена с какого-то митинга. Мы давно не виделись после ковровского дела. Стас в окружении молодых людей, в длинном черном пальто, в нем он еще выше казался, видит меня и идет навстречу, раздвигая всех в стороны. Подходит ко мне, здоровается как-то очень сердечно. И опять я вижу, что он не смотрит на меня сверху вниз...

Потом я где-то читала, что он озорной такой. Действительно, он мог казаться мальчишкой, и при этом быть таким серьезным, взрослым человеком, адвокатом, вести такие трудные и опасные для жизни дела.

До меня доходили порой разговоры, что дела, в которых Стас принимает участие, не столь безобидны. Как-то помню, я сказала ему: «Стас, Вас же могут убить». Он ничего не ответил, только отшутился, что-то вроде того: «А, да ладно Вам». А когда весной 2004-го его избили в метро и отняли портфель с бумагами, он написал заявление в Прокуратуру, но не пожаловался всерьез своим друзьям, правозащитникам. Он, по-моему, вообще не любил жаловаться кому-либо.

Что же касалось других, особенно тех, кто действительно вызывал сочувствие, то Станислав не умел не откликнуться и не сделать все, что может. Хотя бы дать сообщение, чтобы нарушение прав было зафиксировано.

Я к нему обратилась бы за помощью всегда, если бы что-то случилось, пусть со мной или с иногородним депутатом или вообще по какой-нибудь мелочи, я все равно позвонила бы только Стасу. И я уверена, что он бы мог мне отказать, только если он был бы очень занят. Во всяком случае, он бы меня обязательно выслушал... На крайний пожарный случай, совсем зашиваясь с делами, он давал мне телефон владимирского адвоката Василия Сызганова, потому что Владимир ближе к Коврову, чем Москва.

Если его задевало что-то – он был и умен, и горяч.

Многие читали его статью о патриотизме. С ней можно спорить по каким-то моментам, но мне показалось, что это статья человека лет сорока пяти, с большим опытом.

После убийства Стаса я говорила с дочерью. Она прочитала о том, что случилось. Я стала ей подробно рассказывать, а она говорит: «Ему лет сорок было?» Я не говорю, что все должны быть такими, как Стас, – просто за пять-шесть лет, оказывается, можно очень много успеть.

Если бы Стас был жив, что он делал бы дальше – в тридцать пять, сорок лет? Стал бы общественным деятелем? Он уже им был. Столько проведенных им дел имеют очевидное общественное значение.

В газетах множество фотографий, на некоторых Станислав совсем не похож... Дома у меня есть две, где тот Стас, каким я его знала...

Версия #1

Зверобой создал 16 апреля 2025 02:14:03

Зверобой обновил 16 апреля 2025 02:18:05